

М. И. Ромм (рем.) 23/1-89

Такая добрая память

24 января М. И. РОММУ исполнилось бы 88 лет

«...Передо мной лежит пачка «рабочих моментов», снятых Борисом Балдиным. Благодаря этим снимкам я узнал что-то новое о себе самом. Борис Балдин сохранил острые психологические моменты работы съемочной группы. Перед вами такой момент, схваченный фотографом. Группа после многих месяцев просмотров тяжелого, мрачного материала устала до невероятности. Невозможно становилось смотреть на экран, а надо было еще смотреть и смотреть. Как раз тогда начал работать над музыкой к фильму композитор А. Караманов. Это был свежий человек, и то, что всем нам набило оскомину, воспринималось им по-иному. Борис Балдин незаметно вошел в зал, когда кончался ролик, внезапно зажег свет и снял, как мы смотрим на экран.

Михаил РОММ.
Фильм «Обыкновенный фашизм».
(Из сборника статей «Экран»).

— «И все-таки я верю!» — в моем представлении, — это кредо жизни и искусства Михаила Ильича Ромма. Он верил в утверждение правды в киноискусстве, верил в светлое будущее молодого поколения. В торжество благородства души человека, высокой морали и нравственности.

Он ненавидел, болезненно воспринимал «все-таки», — в своем искусстве он стремился обличать темные стороны бытия во всех их проявлениях.

Да, он верил людям, верил в прогресс человеческого разума, верил в будущее, в преодоление всех тяжких испытаний в борьбе со злом. Он любил жизнь. Ромм был доверчив, в своей непосредственности увлекался человеком, попадал под влияние и вероятно не раз его постигало горькое разочарование.

Творческая атмосфера, созданная М. Роммом, была естественной в нашем съемочном коллективе. Все были молоды и даже в свои юные годы мы не

чувствовали какого-либо подчинения или разобщенности. Наоборот, объединяла всех любовь к делу — к тому фильму, над которым работал коллектив. То доверие, уважение и чуткость к членам съемочной группы со стороны М. Ромма, Б. Волчека были естественными.

В группе обсуждался сценарий, каждый имел право на свое слово, на свое мнение. Михаил Ильич всех терпеливо выслушивал. Его мягкая ирония и юмор помогали ему создавать непринужденность обстановки и свободу высказываний. Все знали четко замысел режиссера. У каждого был свой участок работы. Ромм находил время объяснить, ответить на любой вопрос. Доверие, четкость организации, высокая требовательность и ответственность перед коллективом и самим собой — такими были принципы нашей работы. Ложь, обман — исключались сами собой.

Мы часто говорим о творческой атмосфере, что же это такое в повседневной жизни

коллектива? Нет, не только профессиональное владение мастерством, это понимание задач, четкость их выполнения, доверие и честность. Помимо интеллигентности, взаимоуважения — это еще и то, чем живут люди в коллективе, о чем говорят, думают — их интересы, взгляды на жизнь, мироощущение...

Михаил Ильич, будучи, как известно, изумительным рассказчиком, всегда произносил что-либо новое, касалось ли это международных событий, либо искусства, его работы в глянке, встреч, чего-либо прочитанного. И помню, повседневные разговоры не носили обывательского характера, который, к сожалению, зачастую можно наблюдать в студии.

Действительно, в наш напряженный производственный ритм включалось что-то главное, а это были вопросы, связанные с искусством. Любой просмотренный спектакль, репетиция (я в то время занималась подбором актеров на роли) — все рассказывалось, обсуждалось. Прочитанные материалы об очередной дискуссии, выступлениях, полемике, а их было много. Споры и взгляды на позиции художников в искусстве кино, обсуждались выступления выдающихся мастеров киноискусства. Артисты включались в наши беседы, пусть короткие, во время перерыва, в ожидании установки света, в гримерной... Но это была краткая своеобразная творческая разминка, т. к. итогом было неизменное — что принес на съемочную площадку режиссер и актер. Именно какие новые варианты, уточнения мизансцен, пластики жеста, новые краски, неповторимые, мимолетно рождающиеся в процессе творчества над созданием образа. И вся нелегкая работа коллектива, упорный труд был окрашен радостью, атмосферой легкости, непринужденности — иначе не могло быть в нашем съемочном коллективе.

...Шел 1963 год. Меня вызвали в Госкомитет по кинематографии и предложили срочно осуществить постановку фильма «При попытке к бегству» на студии «Молдова-фильм» (предложили — это не совсем та форма, отказ с моей стороны был равносильен увольнению).

Сценарий, написанный тремя авторами: молдаванами Кондрю, Шлягу и москвичом Витензонном, которые не могли найти общего решения, — был более чем неполноценный.

Находясь в очень затруднительном положении, написал свой вариант режиссерского сценария, я, как всегда, пришла к Михаилу Ильичу Ромму посоветоваться, как выйти достойно из этой беды.

Михаила Ильича я застала дома. Он был один. Какой-то неизъясимой печалью веяло от его облика.

— Хорошо, что вы пришли, — теперь меня почти никто не посещает... Вы, конечно, знаете, что произошло. Даже мои ученики отошли от меня...

Кое-какие слухи доходили, но я долгое время была в отъезде. То в Таджикистане, где снимали фильм «Лейли и Меджидун», то в Ленинграде, то в Молдавии... Но состояние подавленности и какой-то отчужденности, так несвойственной Михаилу Ильичу, сразу переключило мои мысли от мелких моих тревог.

Я не спрашивала Михаила Ильича ни о чем. Он сам рассказал мне о тех жестоких, необоснованных обвинениях, которым он подвергся со стороны Хрущева, и самое горькое, проявилась нечестность некоторых коллег по творчеству — казалось, ранее друзей, — писателей, режиссеров. Скупое, без особых подробностей Михаил Ильич рассказал мне о своем выступлении и последующей ре-

акции на него на встрече руководителей партии и правительства с интеллигенцией в ВТО (1963 г. — январь—февраль). О несправедливых оскорблениях, посыпавшихся на него со стороны трех писателей, из которых один являлся кандидатом в члены ЦК, а другой — членом ревизионной комиссии ЦК — это В. Кочетов, А. Сафронов и Н. Грибачев.

Сутью выступления Ромма была критика ряда статей, опубликованных в журнале «Октябрь», порочащих необоснованно и неграмотно кинематографию и ее ведущих мастеров (Юткевича, Пудовкина, Эйзенштейна). Михаила Ильича обвинили в космополитизме, снобизме и преклонении перед нео-реализмом, в политическом невежестве и т. д. Он рассказал и о своем письме-объяснении, посланном в ЦК тов. Л. Ф. Ильичеву. Это письмо являлось опровержением нападок в адрес Михаила Ильича.

Он ждал решения. А пока Михаила Ильича, профессора, изгнали из ВГИКа (где он воспитал целую плеяду молодых талантливых режиссеров, таких, как Тарковский, Шукшин, Чухрай, Н. Михалков и др.). У него не было возможности продолжать творческую работу. Все это надо было осознать и не потерять мужества, не скло-

к его творчеству. И это кредо не было только словами, а и подтверждалось делом.

Никогда не забуду ту моральную поддержку, которую мне оказывал Михаил Ильич, когда я приносила ему уже готовый режиссерский сценарий, либо первому показывала снятый мной фильм и слышала доброе слово напутствия. Михаил Ильич отговаривал снимать мой первый фильм «Как они лгали ее мужу», так как в главных ролях я решила снять Е. Кузьмину и И. Смоктуновского. В то время были осложнения в творческой судьбе Елены Александровны, так как существовал запрет снимать мужьям-режиссерам своих жен, — и у замечательной актрисы из-за бездумного приказа выпал из творческой жизни ряд долгих лет.

А Смоктуновского неохотно снимали, так как он боялся кинокамеры, по своей неопытности не мог преодолеть барьера публичного одиночества в необычной обстановке кинопавильона и скованности перед аппаратом.

И все же я сняла фильм. Показала Михаилу Ильичу. Он одобрил, но сказал: «Не уверен, что все обойдется хорошо, как примет его кинозритель».

На премьере в Доме кино я сидела за микшером. Зал был

1965 год. Вечер-напутник в объединении «Товарищ». Слева направо: А. Смирнов, Л. Шепитко, А. Мачарет, М. Ромм.

нить головы перед натиском несправедливости (ведь в период застоя еще не было гласности и плюрализма, — высказывания Ромма по велению совести опережали время)...

Он прервал свой рассказ. — Ну, хватит. Теперь расскажи о себе.

И, стараясь переключить внимание Михаила Ильича от тяжелых размышлений, я начала с юмором рассказывать о своих сценарных злоключениях.

Вероятно, это отвлекло Михаила Ильича. Вдруг он улыбнулся и, смеясь, спросил:

— Таня, почему у вас появился еврейский акцент?

— Но мои авторы так много со мной спорили, а ведь вы знаете, что я перенимаю акцент любого языка, — и попросила его объяснить смысл слов, которые я запомнила. Тут Михаил Ильич засмеялся и предупредил меня: «Забудьте эти слова, они нецензурные»...

Методы и принципы организации творческих объединений задолго до перестройки очень точно определил и наметил Михаил Ильич. Его кредо — свобода творчества, основанная на высоко идейно-нравственной, духовной, гуманной правде искусства, бескомпромиссной позиции художника.

— Изучая внутренний мир человека, раскрыть его творческие силы, научить пользоваться ими, — говорил Ромм, — это долг художника.

Творческая взаимопомощь и товарищеская поддержка без указки и нажима на личность художника. Свобода отстаивать свое личное мнение и уважительное, корректное отношение

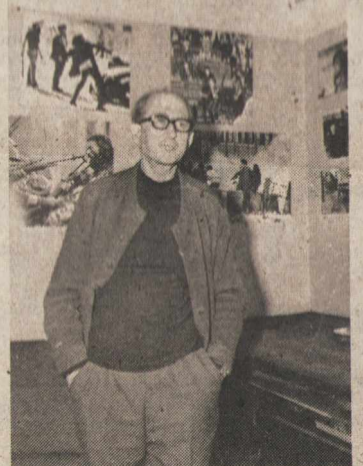
переполнен. Ощущение одиночества (это особое состояние души, которое всегда охватывает меня при первом показе фильма, и я не могу от него избавиться). А тут вдруг за мою спиной я еле различила бесшумные шаги. Это был Михаил Ильич. Он остановился подле меня. И это вернуло мне душевные силы и уверенность.

Все обошлось как нельзя лучше. И маленький фильм увидел большой свет.

После ухода Михаила Ильича, на каждом показе своей картины я вспоминала его добро. И слова: «Вы все можете сами».

Т. ВЕРЕЗАНЦЕВА,
режиссер.

Снимки из личного архива художника-фотографа В. Балдина.

27 октября 1971 года. Последняя встреча, беседа с работниками съемочной группы... 1 ноября Ромма не стало...

На просмотре материала фильма «Обыкновенный фашизм». Слева направо: М. Ромм, Л. Инденбоим, композитор А. Караманов.